

Иван Цветков
Американские истории

Учебное пособие

Иван Цветков

**Американские историки.
Учебное пособие**

«Издательские решения»

2015

Цветков И.

Американские историки. Учебное пособие / И. Цветков —
«Издательские решения», 2015

В пособии рассмотрены основные этапы развития исторической науки в США, прослежена ее связь с политическими идеологиями, охарактеризована эволюция методов исследования, интерпретация ключевых проблем истории США представителями разных поколений и научных школ. Особое внимание уделено биографиям известных американских историков. Для студентов вузов, изучающих историю и историографию США, а также всех, кто интересуется американской историей и историографией.

© Цветков И., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Введение	6
Часть 1. Основные этапы развития исторической мысли США	8
Глава 1. История и идеология	8
Пуританская историография	9
Историография эпохи Просвещения	9
Романтическая историография	11
Прогрессистская историография	12
Консенсусная историография	13
Ревизионистская историография	14
Современная (постмодернистская) историография	14
Глава 2. Эволюция методологии	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Американские историки
Учебное пособие
Иван Цветков

© Иван Цветков, 2015

Редактор И. П. Комиссарова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Введение

Одной из наиболее сложных проблем, с которыми сталкиваются начинающие американисты, является ориентация в поистине необозримом море специальной литературы. Обилие имен, концепций, сюжетов может вызвать замешательство даже у самого способного и исполненного энтузиазма студента. Вместе с тем совершенно ясно, что специалист по США не может рассчитывать на статус профессионала, опираясь лишь на «объективные» знания – сведения о географии, истории, социально-экономическом и политическом развитии Америки. Огромное значение имеет и то, как эти знания формировались, вокруг чего разворачивались научные дискуссии, почему различные исследователи предлагали разные, часто диаметрально противоположные интерпретации социальной действительности. Во всем этом нужно разбираться – хотя бы для того, чтобы понимать, какие представления о США являются общепризнанными и обоснованными, а какие существуют лишь в виде недоказанных гипотез. Именно этого качества – способности оценить весомость и убедительность того или иного суждения о США – обычно не хватает участникам «бытовых» разговоров об Америке. Одной из важнейших задач квалифицированного американиста является корректировка широко циркулирующих в массовом сознании ложных представлений и мифов о ведущей мировой сверхдержаве.

Настоящее пособие призвано облегчить задачу знакомства с представлениями американцев о своей национальной истории. В совокупности труды авторов, занимающихся рассмотрением и толкованием событий прошлого, принято называть историографией. Американская историография, как и американская история, не может похвастаться тысячелетними традициями развития, однако по интенсивности творческого процесса и количеству публикуемых статей и книг современная американская историческая наука занимает лидирующие позиции в мире. Это свидетельствует не только об отличной материальной базе и способности американского общества «содержать» корпорацию историков, но и о востребованности исторической науки. Принято считать, что на знаниях о прошлом держится «национальная идентичность», именно историки производят некий набор идей и представлений, который обеспечивает единство нации, придаёт существованию общества значение и смысл. В этом контексте миссия историка оказывается чрезвычайно важной и ответственной, он не просто отстраненно и абстрактно изучает «дела давно минувших дней», но более или менее осознанно воздействует на жизнь нынешних и будущих поколений. Роль историка сближается с ролью политика, и не удивительно, что изучение политической сферы во все времена было хорошо представлено в историографии.

Однако было бы неверным сводить роль исторического знания к решению политико-идеологических задач. В действительности, лишь небольшое количество историков прямо заявляет о своем стремлении использовать знания о прошлом для внесения корректив в настоящее. Все-таки в основе исторических исследований, как и в основе любой другой сферы познания, лежит простая, никак политически не мотивированная, человеческая любознательность. И каждый историк является, прежде всего, творческой личностью, человеком, пытающимся узнать и истолковать собственное прошлое.

Для того, чтобы разобраться в сложном и противоречивом процессе развития исторической мысли США, необходимо взглянуть на него с разных сторон. Прежде всего, необходимо отметить зависимость эволюции исторического познания от общих философских и мировоззренческих тенденций разных эпох. Далее, следует обратить внимание на связь историографии с политической идеологией. Историки часто активно участвовали в формировании этой идеологии, но и сами попадали под ее серьезное влияние. Наконец, невозможно игнорировать внутреннюю логику развития исторического познания, диалектику смыслов и интерпретаций в рамках отдельных тем и проблемных направлений.

Построение схем, периодизаций, моделей эволюции историографии позволяет нам в определенной степени упростить и рационализировать сложный процесс, который иначе был бы просто недоступен человеческому пониманию. Однако, обращаясь к конкретным статьям, книгам, выступлениям американских историков мы неизбежно приходим к выводу, что по-настоящему талантливые, творческие работы никогда не укладываются ни в одну из мыслимых периодизаций и схем. Каждая из этих работ самодостаточна и самоценна, как и личность их автора. Именно поэтому данное пособие структурно разбито на две части: в первой мы рассмотрим различные варианты периодизаций и интерпретационные модели, характерные для американской историографии, а во второй сосредоточим внимание на личностях и творческих биографиях некоторых, наиболее известных американских историков.

Следует особо отметить, что в данном пособии мы не ставили перед собой задачи представить и американскую, и отечественную историографию истории США. Внутренняя логика развития последней была настолько специфична, настолько модифицирована идеологическими и иными околонаучными обстоятельствами, что рассматривать труды российских и американских историков как часть единого историографического процесса было бы не совсем честно и научно обоснованно.

Данное пособие является учебно-справочным, то есть содержащийся в нем материал можно изучать как последовательно, так и избирательно. Для облегчения поиска информации по отдельным периодам, темам и персоналиям в конце пособия предусмотрены именной и предметный указатели.

Автор выражает глубочайшую признательность всем, кто способствовал появлению на свет данного учебного пособия: первому декану факультета международных отношений СПбГУ проф. К. К. Худолею – за первоначальную идею и всемерную поддержку в ходе написания работы, заведующему кафедрой американских исследований проф. Б. А. Ширяеву – за рецензирование рукописи и помощь в решении организационных вопросов, всем коллегам по кафедре американских исследований – за создание дружеской и стимулирующей к творчеству атмосферы.

Особую благодарность хотелось бы выразить директору Санкт-Петербургского Института истории РАН В. Н. Плешкову и старшему научному сотруднику Отдела всеобщей истории того же института С. А. Исаеву. Их советы и комментарии позволили значительно улучшить первоначальный текст.

Одними из первых с рукописью учебного пособия ознакомились члены Исторического общества при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Проведенное в рамках семинара «Теория и практика исторического исследования» (руководитель – доцент Исторического факультета СПбГУ Е. А. Ростовцев) обсуждение чрезвычайно помогло автору на завершающей стадии работы над текстом.

Часть 1. Основные этапы развития исторической мысли США

Глава 1. История и идеология

Чаще всего при выделении периодов развития американской историографии используется идеологический критерий – зависимость между интеллектуальным климатом эпохи и содержанием создаваемых в данный период исторических сочинений. Идеология здесь понимается широко, как система базовых мировоззренческих установок, не сводящихся к представлениям о власти и обществе. Например, романтизм или постмодернизм – эти понятия охватывают практически все сферы человеческого существования, от политики до повседневности, они указывают на определенные периоды развития культуры, когда строй мыслей большого количества людей имел особые, характерные для данного мировоззрения черты.

Однако, размышляя о вариантах периодизации историографии, исследователи все-таки склонны обращать первоочередное внимание именно на политическую идеологию. Это особенно заметно применительно к хронологически близким нам периодам, когда количество исторических сочинений резко возросло, а идеологические схемы стали более многочисленными и четко артикулированными. Распространенность подобного типа периодизаций лишний раз подтверждает особый характер исторического знания, его обусловленность социально-экономическим и политическим контекстом.

Понятно, что обозначить точные границы идеологических эпох часто не представляется возможным. Поэтому семь основных периодов развития исторической мысли в США мы хронологически определим по времени наибольшего влияния того или иного идеологического мотива:

- Пуританская историография (XVII – нач. XVIII вв.)
- Историография эпохи Просвещения (XVIII – нач. XIX вв.)
- Романтическая историография (середина XIX в.)
- Прогрессистская историография (к. XIX – середина XX вв.)
- Консенсусная историография (1950-е гг.)
- Ревизионистская историография (1960-е гг.)
- Современная (постмодернистская) историография (1970-е гг. – по настоящее время)

Отметим два обстоятельства. Видно, что по мере приближения к современности, периоды становятся более короткими, иногда сжимаясь до десятилетий. Здесь сказываются два фактора. Во-первых, недавние эпохи всегда кажутся более динамичными и насыщенными событиями, по сравнению с далеким прошлым. Таково свойство человеческой памяти. Во-вторых, интенсивность труда историков в XX в. действительно резко возросла, равно как и динамика идеологических изменений. Идеологическая ситуация в современном информационном обществе настолько раздробилась и диверсифицировалась, что политико-идеологический критерий для выделения периодов историографии, похоже, становится совершенно неадекватным. Однако применительно к прошлому он по-прежнему сохраняет эвристическую ценность.

Следует также заметить, что переход от периода к периоду чаще всего трактуется исследователями в терминах «кризиса» и его «преодоления». Например, обычны утверждения вроде этого: «к середине XX в. прогрессистская историография зашла в тупик, не могла больше давать удовлетворительные ответы на вопросы современности, и ей на смену пришла консен-

суная историография». Однако если мы признаём, что господствующая идеология в большей степени влияла на историков, чем историки на идеологию, использование выражения «кризис историографического направления» в рамках данной периодизации представляется не вполне уместным. Новая идеология заставляла историков менять содержание интерпретаций независимо от того, плохи или хороши были предыдущие интерпретации. В идеологической схеме вообще не может быть историографии «кризисной» или «здоровой», плохой или хорошей – важен лишь вопрос ее соответствия некоей идеологии.

Пуританская историография

Американская историческая мысль зародилась в XVII в. в колониях Новой Англии, в условиях интеллектуального доминирования т. н. пуританской элиты – получивших теологическое образование пуританских проповедников и политических деятелей. Начиная с манускрипта первого губернатора Плимута, У. Брэдфорда (1590—1657), описавшего в середине XVII в. историю пуритан-сепаратистов¹, и до многочисленных книг пастора К. Мазера (1663—1728)², абсолютное большинство интерпретаций истории основания английских поселений в С. Америке было ограничено рамками пуританского мировоззрения. Главным действующим фактором в них являлось Божественное провидение, приведшее колонистов в С. Америку и направлявшее здесь все их действия и поступки. Часто звучал мотив особой миссии американских пуритан, их предназначения служить примером остальному человечеству, быть «градом на холме» (по выражению Дж. Уинтропа). Так как пуританские авторы обычно были пасторами и проповедниками, они интересовались, прежде всего, не историей общества и государства, а историей церкви (которая в первые десятилетия существования пуританских колоний претендовала на интеграцию в себя и общества, и государства). Содержание и степень влияния пуританской идеологии на светскую жизнь постепенно менялись: доктрины становились менее жесткими, политический авторитет церковных лидеров снижался. С середины XVIII в. на смену пуританскому мировоззрению стала приходить рационалистическая идеология европейского Просвещения.

Историография эпохи Просвещения

Книги европейских философов-просветителей в середине XVIII в. можно было обнаружить в большинстве домашних библиотек состоятельных новоанглийских купцов и плантаторов южных колоний. Сам факт появления таких библиотек уже свидетельствовал о завершении эпохи интеллектуальной монополии пуританского духовенства. Многие собиратели книжных коллекций сами обращались к перу. Вирджинский плантатор Р. Беверли (1673—1722) в 1705 г. опубликовал «Историю Вирджинии»³, в которой уже не просматривается четкой связи между человеческой историей и Божественным провидением. Сочинение Беверли свободно от собственных пуританским авторам теологических рассуждений, его гораздо больше интересовали географические и политические обстоятельства колониальной истории, повседневная жизнь вирджинцев.

Даже новоанглийские пасторы, следуя духу времени, переходили от церковной истории к светской. Наиболее известным из таких авторов считается Томас Принс (1687—1758). В своей «Хронологической истории Новой Англии» (1736)⁴, Принс хотя и начал изложение

¹ Bradford W. History of Plymouth plantation. Boston, 1856.

² Наиболее известное историческое сочинение К. Мазера: Mather C. Magnalia Christi americana. London, 1702.

³ Beverley R. The history and present state of Virginia. London, 1705.

⁴ Prince T. A chronological history of New England. Boston, 1736.

по традиции «от Адама», но в освещении событий последних десятилетий уделил основное внимание колониальной политике. Идея о том, что знание политической истории может способствовать более успешному политическому действию, распространилась и стала одним из главных мотивов, побуждающих к изучению прошлого.

В период конфликта между колониями и метрополией, и последовавшей Войны за независимость, «рационалистическая» историография достигла своего расцвета. Многочисленные авторы с позиций «здравого смысла» пытались обосновать сначала правомерность колониальных претензий, а затем и полного разрыва с Великобританией. Другие историки (например, У. Смит и Т. Хатчинсон), видели в прошлом подтверждение необходимости сохранения целостности империи. Именно в вопросе об отношении к Великобритании американские историки впервые разделились на два более-менее четких политико-идеологических лагеря (патриотов и лоялистов). Общий «рационалистический» дух эпохи дополнился явными политическими симпатиями и антипатиями.

Характерным примером рационалистического подхода является творчество историка-патриота (сторонника независимости) Иеремии Белнапа (1744—1798). В трехтомнике «История Нью-Гэмпшира» (1784—1792)⁵ и «Американском биографическом словаре»⁶ он жестко критиковал труды пуританских авторов, высмеивал их аргументы, основанные, по его мнению, на предрассудках. Рационализм для Белнапа и его современников был не столько методологией, сколько мировоззренческой ориентацией. Использование разума для решения возникающих задач, в том числе политических, казалось универсальным и надежным средством. В то же время, какого-либо строгого «научного» подхода к рациональному действию еще не существовало, оно еще не было монополизировано кастой «ученых» и считалось доступным любому человеку, избавившемуся от поклонения суевериям и религиозным догмам.

Переходными от рационалистической к романтической стадии развития историографии можно считать сочинения историков конца XVIII – начала XIX вв., которые политически ориентировались на два основных идеологических течения той эпохи – федерализм и антифедерализм. В это время антиномия теологического и рационалистического мышления уже утратила былую остроту, необходимость рационального обоснования суждений о причинах и следствиях исторических событий мало у кого вызывала сомнения. На передний план стала выходить политическая ориентация авторов, в зависимости от нее историки обращались к различным сюжетам. К примеру, известный своими федералистскими взглядами Джордж Майнот издал в 1788 г. «Историю восстаний 1786 года»⁷, в которой нарисовал мрачную картину социального хаоса в штате Массачусетс, происходящего от слабости политической структуры Конфедерации. Другой федералист, знаменитый председатель Верховного суда Джон Маршалл (1755—1835), опубликовал монументальную пятитомную «Жизнь Джорджа Вашингтона» (1804—1807)⁸, в первом томе которой главный герой упоминался лишь дважды, а основной пафос исторического повествования был направлен против политических противников-джефферсоновцев. Одна из первых женщин в американской историографии, Мерси Отис Уоррен (1728—1814), писала свои книги с антифедералистских позиций. В трехтомнике «Начало, развитие и завершение американской революции» (1805)⁹ она раскритиковала лоялистов и президента-федералиста Дж. Адамса (который после этого произнес знаменитую фразу: «История – не женское дело»). Кстати говоря, М. Уоррен выделялась среди коллег-историков не только

⁵ *Belknap J.* The history of New-Hampshire. 3 Vols. Boston, 1784—1792.

⁶ *Belknap J.* American biography. 2 Vols. Boston, 1794.

⁷ *Minot G. R.* The history of the insurrections, in Massachusetts... Worcester, Massachusetts, 1788.

⁸ *Marshall J.* The life of George Washington. 5 Vols. London, 1804—1807.

⁹ *Warren M. O.* History of the rise, progress, and termination of the American Revolution. 3 Vols. Boston, 1805.

тем, что была женщиной, но и явным иррационализмом многих своих построений. Ее постоянные апелляции к «вмешательству Провидения» выглядели в начале XIX в. как архаизм и пережиток пуританской историографии.

Романтическая историография

Эпоху романтизма в истории западной культуры принято связывать с разочарованием в просветительском рационализме, постигшем Европу после потрясений Великой французской революции. В случае с Америкой такая логика не работает, ее рационалистический эксперимент, выразившийся в Войне за независимость и принятии федеральной конституции, завершился вполне успешно, сожалеть было особенно не о чем. Однако веяния времени, ставящие личность, свободу, иррациональное творчество выше жесткого рационализма, строгих классических форм, подминающих индивида – докатились и до США. В историографии романтизм проявился, прежде всего, в виде осознания тесной связи исторического и литературного творчества, вообще в признании за историком статуса творца. Авторы предшествующих эпох руководствовались при написании исторических сочинений утилитарными мотивами: изложить события прошлых лет и сберечь их от забвения, обосновать с помощью исторических аргументов некую политическую позицию – романтики же чувствовали себя художниками, рисующими грандиозное историческое полотно. Рост национального самосознания американцев по мере территориальной экспансии, развития экономики и политической демократии давал мощный стимул к формированию национальной мифологии, созданию пантеона героев и отцов-основателей, что и стало главным содержанием книг историков романтического направления. Романтический настрой требовал не простой фиксации достижений, а создания некоего ореола, приукрашивания исторической действительности. В этом американские историки-романтики следовали за предшественниками-пуританами, которые еще в XVIII в. провозгласили тезис об американской исключительности, избранности Америки, призванной быть «градом на холме», образцом для других народов.

В наибольшей степени черты романтической историографии проявились в творчестве Джорджа Бэнкрофта (1800—1891), часто именуемого «отцом американской истории». В своей десятитомной «Истории США» (1834—1874)¹⁰ Бэнкрофт проследил развитие идеи свободы в американской истории. Война за независимость и джексоновская демократия 1830-х гг. представляли кульминационными событиями этого процесса. Бэнкрофт видел историю как постоянное движение вперед, к торжеству «хороших» и «прогрессивных» идей над «плохими» и «отсталыми». Бэнкрофт учился в Германии и усвоил там основные принципы «немецкой школы» – критическое отношение к источникам, необходимость поиска независимых свидетельств для определения достоверности исторических фактов, первоочередное внимание к истории государства и его институтов. Кроме того, Бэнкрофту как националисту явно импонировала т. н. «тевтонская теория», гласящая о политическом превосходстве «тевтонской расы», в которую включались и англо-саксы.

Классическим представителем романтической историографии можно считать и Ф. Паркмена (1823—1893), написавшего серию фундаментальных монографий об английско-французском соперничестве в С. Америке¹¹. Колониальная эпоха предстает в трудах Паркмена как время героев и славных событий, грандиозных битв и походов, столкновений и союзов с индейцами.

В целом, несмотря на «литературность» и националистический уклон, романтическая историография являла собой качественно новый уровень исторических исследований. Она

¹⁰ Bancroft G. History of the United States of America, from the discovery of the continent. 10 Vols. Boston, 1876.

¹¹ Parkman F. France and England in North America. A series of historical narratives. Boston, 1891.

сыграла в американской историографии ту же роль, которую Пушкин сыграл в русской литературе – дала ей современный язык, зрелую нарративную форму подачи материала и значительно расширила социальную базу читателей.

Труды историков-романтиков были слабо привязаны к актуальным политическим сюжетам, они в большей степени работали «на нацию», чем «на партию» (хотя Бэнкрофта и обвиняли в чрезмерных симпатиях к демократам). Романтизм как идеологическая установка был чужд сиюминутным политическим баталиям, он в большей степени подразумевал поиск общих исторических оснований национальной идентичности. В этом он сближался с пуританской историографией и противостоял рационализму.

Прогрессистская историография

Следующая эпоха в развитии американской идеологии, оказавшая заметное воздействие на историографию, приходится на фазу индустриализации и превращения США в мировую державу – то есть на последние десятилетия XIX – первую половину XX вв. В этот период в жизни американцев произошли фундаментальные изменения, связанные, прежде всего, с резко ускорившейся динамикой экономического развития, которое «потащило за собой» и политику, и социальную структуру и повседневные практики. Новые вызовы калейдоскопично сменяли друг друга, традиционные ценности постоянно подвергались проверке на прочность. Ответом американского общества на эту ситуацию стало сложное «реформистское» движение, внутри которого можно было обнаружить и реальных реформаторов, призывающих к радикальной перестройке социально-политических оснований американской государственности, и скрывающихся под реформистскими лозунгами консерваторов, нацеленных на укрепление пошатнувшихся традиционных устоев и ценностей американской демократии. Таким образом, под общей вывеской «прогрессизма» объединились силы, стремящиеся активно противостоять негативным социальным процессам.

Для исторической мысли подобные эпохи обычно оказываются достаточно плодотворными, они требуют от историков пересмотра устоявшихся подходов и генерации свежих идей. Успех такого пересмотра сильно зависит от степени разочарования в результатах труда предшественников – он не должен быть абсолютным, подавляющим стремление к творчеству. В США историки-романтики подготовили хороший плацдарм для дальнейшего развития историографии – последователи если и критиковали некоторые их подходы, то лишь после выражения самого искреннего уважения и даже восхищения.

Переходный период от романтизма к прогрессизму совпал с интенсивным внедрением в историографию научной методологии. Определяющим же и наиболее характерным мотивом прогрессистской историографии стало рассмотрение американской истории как непрекращающегося социально-экономического конфликта, постоянной борьбы «богатых» и «бедных», «верхов» и «низов». Самое яркое выражение этот подход нашел в знаменитой книге Ч. Бирда (1874—1948) «Экономическая интерпретация американской конституции» (1913)¹², в которой автор обвинил отцов-основателей американского государства в попытке прикрыть красивыми фразами о свободе и республиканизме свои корыстные экономические мотивы.

Установка на поиск экономических оснований исторических событий доминировала в американской историографии до конца 1940-х гг. Еще одной чертой, привнесенной прогрессистами в историческую литературу, можно считать т. н. «презентизм», стремление использовать историческое знание для решения насущных проблем современности. При этом сам Бирд признавал, что инструментальный подход к прошлому неизбежно ставит его в зависимость от сознания историка, субъективизирует историю – но принесение научной объективности

¹² Beard C. A. An economic interpretation of the Constitution of the United States. New York, 1913.

в жертву казалось прогрессистам оправданной платой за возможность исторически-обоснованного политического действия. Кстати говоря, в презентизме прогрессистов нетрудно усмотреть сходство с практически ориентированными трудами историков-рационалистов времен американской Войны за независимость.

Завершение длинной «эпохи реформ» в американской истории можно связывать с Второй мировой войной, окончательно покончившей с Великой депрессией и закрепившей достижения рузвельтовского Нового курса, а также с началом «холодной войны», которая потребовала от американского общества концентрации сил уже на совершенно другом, внешнеполитическом направлении.

Консенсусная историография

В довольно короткий промежуток времени, двадцатилетие, прошедшее между окончанием Второй мировой и началом Вьетнамской войны, консервативное, «охранительное» течение в американской идеологии стимулировало появление серии исторических трудов, главной темой которых стало отрицание значимости конфликтов в американском прошлом. История США стала представляться как уникальный процесс, лишенный столь привычных для европейской истории черт как противостояние антагонистических социальных групп и борьба взаимоисключающих идеологий. Американское общество, по мнению историков «школы консенсуса», было изначально лишено аристократии и феодально-зависимого крестьянства, иных традиционных сословий. Здесь просто некому было друг с другом бороться, либерально-демократическая идеология, с небольшими вариациями, принималась всеми, а изобилие ресурсов не позволяло развиться серьезному экономическому неравенству. Суть американской истории заключалась для сторонников консенсуса не в борьбе экономических интересов, а в постепенной эволюции идей, которые оказывались важнейшими действующими факторами этапных поворотов, типа Войны за независимость или реформ Нового курса.

Совершенно очевидна связь таких трактовок прошлого с обстановкой начала «холодной войны», когда Соединенным Штатам было крайне необходимо обрести уверенность в собственных силах, найти идейное обоснование своей ведущей роли в противостоянии «мировому коммунизму». То, что данный идеологический поворот имел столь серьезные последствия для историографии, можно объяснить и силой внешнеполитического вызова, и институциональной фазой развития исторической профессии в США, когда сотни выпускников исторических факультетов включались ежегодно в актуальные научные и общественно-политические дискуссии. Один из известнейших американских историков XX в., Р. Хофстедтер (1915—1970), считается «отцом-основателем» консенсусной истории, хотя более последовательным защитником тезиса о консенсусе безусловно был Д. Бурстин (1914—2004).

Проблемы с которыми столкнулась Америка в 1960-е гг. – неудачная война во Вьетнаме, волна студенческих протестов, движение за гражданские права, нарастающий экономический кризис – не дали шанса консенсусной идеологии и сопутствующей ей историографии вполне утвердиться и показать весь свой потенциал. Однако влияние «школы консенсуса» в американской историографии второй половины XX в. нельзя ограничить парой десятилетий. Дело в том, что сформулированная в 1940 – 1950-е гг. дилемма «конфликт или консенсус» завладела умами американских историков на гораздо более длительный срок, можно сказать, стала «осевой» для всего американского исторического дискурса. Поэтому следующий идеологический период, который мы выделим – ревизионистский – был, на самом деле, негативным продолжением предыдущего периода «консенсуса».

Ревизионистская историография

Уже само название ревизионистского историографического течения подразумевает, что базовым стремлением принадлежащих к нему историков была ревизия, пересмотр сложившихся исторических представлений. Помимо названных выше социально-политических и экономических причин, побуждавших исследователей отказаться от признания американской истории уникальной и бесконфликтной, здесь снова могут упомянуты причины институциональные – например приход в историческую профессию большого числа ученых – выходцев из низших социальных слоев, получивших образование благодаря правительственной программе поддержки ветеранов Второй мировой и Корейской войн.

Оказывал свое влияние и общий для западной культуры тренд роста популярности левых идей, различных форм неомарксизма, и реакция на распространение «культуры потребления». Многие американские историки-ревизионисты прямо называли себя марксистами, что очевидно было не просто научной позицией, но и открытым вызовом консервативному академическому истеблишменту. Серьезных успехов и влияния «новая левая» историография достигла в сфере изучения внешней политики, где У. Э. Уильямс (1921—1990) и его ученики обосновывали наличие связи между развитием американского империализма и продвижением экономических интересов капиталистических монополий. Самый острый для того времени вопрос о причинах начала «холодной войны» решался ревизионистами не в пользу США, они усматривали в действиях Вашингтона непонимание и прямое игнорирование законных интересов СССР в Восточной Европе.

Активисты движений за защиту гражданских прав чернокожих, индейцев и женщин также находили в трудах ревизионистов близкие для себя идеи о глубоко укорененных традициях сопротивления расовому и сексуальному доминированию. Пожалуй, наиболее яркое выражение этого мотива можно найти в «Народной истории США» (1980) Г. Зинна (р. 1922)¹³, который попытался рассмотреть все события американской истории «снизу вверх», с точки зрения «униженных и оскорбленных». Много сил к слову устоявшихся исторических представлений приложили и историки-феминистки, такие как Г. Лернер (р. 1920), которые в итоге пришли к выводу о необходимости написания особой, женской истории («herstory» вместо «history»).

Популярность левых идей в США стала заметно снижаться уже в 1970-е гг., а в 1980-е гг. и вовсе заместила новая волна консерватизма. Но для историографии это не было равносильно возврату к консенсусным подходам. В очередной раз, как и в конце XIX в., серьезное влияние на эволюцию исторической мысли оказали методологические новации, которые в значительной степени сделали традиционные идеологии нерелевантными.

Современная (постмодернистская) историография

Отличительными чертами идеологической ситуации последних десятилетий в США следует признать, во-первых, т. н. «приватизацию идеологии», утрату государством и нацией центральной роли в идеологическом дискурсе, и, во-вторых, вытекающую из этого «диверсификацию идеологии», то есть резкое увеличение числа «идеологических субъектов» – социальных групп, претендующих на создание собственных идеологических схем, обособляющих и обосновывающих свою уникальность и самоценность. Если на протяжении всех предшествующих периодов развития историографии для историков главным объектом исследования оставалось государство и общество как нечто целое (даже историки регионов и краеведы подразумевали

¹³ Zinn H. A people's history of the United States. London; New York, 1980.

включение результатов своих штудий в общенациональный контекст), то в последние десятилетия в исторической литературе доминирует «микро» подход, изучение частных случаев и уникальных исторических эпизодов. Если для изучения берется большая группа и продолжительный период – например эволюция роли женщин в семье на протяжении нескольких веков – это изучение обычно направлено на «изменение исторической перспективы», взгляд на известные события под новым углом. Такой взгляд считается ценным не из-за прояснения каких-то ранее неведомых обстоятельств национальной истории, а в силу обоснования значимости некой социальной группы. В приведенном примере – значимости женщин, как активных участниц исторических событий, а не просто жен, матерей и домохозяек.

Огромное влияние на современную американскую историографию оказали идеи философии постмодернизма. Постмодернизм, как очередную фазу сомнений в перспективности рационализма, можно сопоставить с пуританизмом и романтизмом в американской историографии. Кроме того, идеи прогрессистов, таких как Ф. Тернер, Ч. Бирд и К. Беккер, о субъективном характере исторического познания, нашли в постмодернистской историографии свое полное выражение. Американский историк-теоретик, Х. Уайт (р. 1928), опубликовавший в 1973 г. книгу «Метаистория»¹⁴, считается одним из лидеров постмодернистского направления. Среди множества выдвинутых им идей можно выделить тезис о существовании истории лишь в виде текстов, написанных историками (и полной непознаваемости объективной истории, того, «как было на самом деле»), и обоснование необходимости подхода к изучению истории как к изучению текста. В результате Уайт выделил разновидности истории, соответствующие литературным стилям («тропам») – трагическому, метафорическому, ироническому и т. п.

При всех крайностях постмодернистского иррационализма и его внешнего полного несоответствия канонам научной методологии, американская академическая историография попала под его серьезное влияние. В частности, общим местом в статьях и монографиях последних лет стала установка не на изучение того, *что* случилось в прошлом, а того, *как это прошлое воспринималось*, фиксировалось в индивидуальных и коллективных представлениях. Резко снизилось доверие к т. н. «большим нарративам», всеохватным повествованиям о прошлом народов и государств – а ведь именно в такой форме были представлены труды большинства классиков американской исторической литературы. Тематика научных статей и монографий, публикуемых современными американскими историками, может повергнуть неподготовленного читателя в совершенное недоумение. Вот, например, названия трех статей из декабрьского номера «Журнала американской истории» за 2006 г.: «Рассказ историй: политическое использование мифа индейцами чероки и крик», «Доротея Лэндж: фотограф как сельский социолог», «Договорное иконоборчество: роль нищестанства в американской культуре XX в.»¹⁵ Российский читатель с «традиционными» представлениями об исторических сочинениях может, полистав такой журнал, вообще не понять, о чем в нем идет речь и какое отношение это имеет к истории.

Параллельно с меняющимся идеологическим и общефилософским контекстом, шло внутреннее развитие американской историографии, ее методологических и институциональных оснований. Эволюцию методов и корпоративной организации исторической науки часто нельзя представить в отрыве от социально-политической реальности, однако здесь безусловно была и своя, имманентная логика.

¹⁴ White H. V. *Metahistory: the historical imagination in nineteenth-century Europe*. Baltimore, 1973.

¹⁵ Saunt C. Telling Stories: The Political Uses of Myth and History in the Cherokee and Creek Nations // *The Journal of American History*. Dec. 2006. Volume 93, No. 3; Gordon L. Dorothea Lange: The Photographer as Agricultural Sociologist // *Ibid.*; Ratner-Rosenhagen J. Conventional Iconoclasm: The Cultural Work of the Nietzsche Image in Twentieth-Century America // *Ibid.*

Глава 2. Эволюция методологии

Распространенное сегодня представление об истории как особой научной дисциплине, с разработанной проблематикой, методами, источниковедческими процедурами, окончательно оформилось в США относительно недавно, в последней четверти XIX в. Историки, писавшие свои произведения в XVII, XVIII и первой половине XIX вв. обычно не называли себя учеными. Написание истории являлось для них особым видом литературного творчества, призванным не просто развлечь, но и просветить читателя, дать знания о прошлом, которые позволили бы ему усовершенствоваться морально и политически, стать более ответственным членом социума.

Одной из главных проблем, с которой сталкивались историки во все века, независимо от того, творили они в «донаучный» или «научный» период развития исторической мысли, является **проблема исторической достоверности**. Приступая к работе над историческим сочинением, автор всегда исходит из некоего, осознанного или интуитивного, представления о том, насколько верно, адекватно, аутентично он собирается восстановить события прошлого. На первый взгляд, ответ на этот вопрос совершенно однозначен, и если перед историком не стоит прямой задачи исказить реальность для нужд пропаганды или самооправдания, он, скорее всего, попытается максимально приблизиться к «исторической правде». Однако более пристальное рассмотрение ситуации показывает, что все не так очевидно. Как мы уже отмечали, современные историки-постмодернисты полностью отрицают саму возможность исторической достоверности. К этому их приводят размышления об оторванности прошлого от настоящего, абсолютной несоотносимости живой исторической реальности и тех ее фрагментов, которые доходят до историков в различного вида текстах. Такая позиция, принятая в чистом виде, превратила бы историческое творчество в нечто совершенно бессмысленное, исторические занятия лишились бы главного – своего предмета. Поэтому абсолютное большинство практикующих историков, в прошлом и настоящем, все-таки наделяли историческую реальность большей или меньшей степенью познаваемости, а свои тексты – неким уровнем достоверности. Но часто оказывалось, что достоверность не являлась для них абсолютным приоритетом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.